

М.И. Матюшевская ·
(Могилев)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ДОЧЬ НЕВЕЖЕСТВА И МАТЬ МУДРОСТИ?

В древнегреческой культуре, стоящей у истоков современной европейской цивилизации, покровительницей наук, поэзии и искусств считалась Мнемозина – богиня памяти. Именно она явилась матерью девяти муз, в том числе Клио – истории. На протяжении столетий Мнемозина, как и ее дочери, неоднократно меняла свой внешний и внутренний облик, оставаясь неизменной в главном. Она структурирует сознание человека европейской культуры, определяет форму и содержание исторической науки.

«Искусство памяти» – мнемотехника, также зародившаяся в Древней Греции, сегодня вызывает у историков особый интерес. Все самые яркие методологические новации в современной европейской исторической науке фокуси-

ругуются на проблеме памяти, а само историческое познание шаг за шагом приближается к своим собственным основаниям и истокам, скрывающимся в искусстве мнемоник.

Как утверждает один из исследователей этой проблемы, английский ученый Патрик Х. Хаттон, «...отличительной чертой западной культуры в наш век постмодерна является ее синкретизм. Сегодня нет согласия относительно ценности тем, методов и предметов исследования прошлого... Сцена современной историографии отличается некоторой сварливостью... Такие тенденции в современной культуре способствовали появлению ощущения разрыва связей с прошлым и пробудили сопутствующий ему страх перед культурной амнезией. Они также обозначили путь, двигаясь по которому историки могут обновить свое ремесло, поскольку сегодняшней историографической интерес к памяти предполагает потребность в этом...» [1, с. 390-391].

По мнению П. Хаттона, сегодняшняя карта историографии похожа на театр памяти мнемоника. Каждая историографическая традиция обладает своим кодом. Историк обязан найти ключ к этому коду, так как каждый ключ открывает свою дверь в свою комнату смысла [1, с. 394].

Анализируя состояние исторической науки на рубеже XX – XXI веков, П. Хаттон выделяет четыре основных направления методологических поисков ученых: постмодернизм, историцизм, герменевтика и история коллективной памяти.

Историки-постмодернисты интересовались памятью как средством мобилизации политической власти. Их работы отражали острую потребность XX столетия понять риторику пропаганды. Поэтому историю и память постмодернисты рассматривали как противоположности. Память, считали они, является внутренней деятельностью живого сознания, которую никогда не удастся установить. Историки могут лишь изучить память в ее вещественных репрезентациях («словах и вещах», как назвал их Фуко). Знание о прошлом как о живом опыте недоступно нашему пониманию.

Постмодернисты ввели понятие контрпамяти и сформулировали новые направления исторического исследования: социальная история как альтернатива политической истории; история коллективной ментальности (ориентированная на повседневную жизнь) как альтернатива истории идей (элитной культуры); история женщин как альтернатива истории мужчин; история Востока как альтернатива европейской; мировая история как альтернатива национальной истории. В таком подходе к историческому познанию огромная заслуга постмодернистов. Их предшественники, историки XIX столетия, интересовались главным образом историей возникновения современного государства-нации или развитием представления о прогрессе, взятого из культуры Просвещения. Они создавали официальную память. Однако, по мнению П. Хаттона, постмодернистская точка зрения все же является ограниченной, «...так как ни одна культура не может поддерживать свое существование, подвергнув аутопсии институциональные формы и образцы дискурса своего отвергнутого прошлого...» [1, с. 30].

В отличие от постмодернизма, историцизм, сформировавшийся в XIX веке, учил, что историки обязаны судить о прошлом в его собственных понятиях, но с точки зрения, расширяющей горизонты их настоящего знания. Современность отличается от прошлого, но связана с ним через эволюционные линии преемственности: Можно увидеть их начало и проследить этапы развития, размещая события прошлого и настоящего внутри созданных историком хронологий. Самые грандиозные версии таких схем оказались связанными с философией истории.

П. Хаттон утверждает, что «...последним и самым интеллектуально изощренным представителем историцизма...» был английский историк и философ Р. Коллингвуд [1, с. 373]. Он доказывал, что мы можем проникнуть в сознание исторических деятелей прошлого, поскольку они думали также как и мы. Именно эти общие для любой эпохи когнитивные способности всего человечества открывают возможность преодолеть пропасть времени между прошлым и будущим. Поэтому вся история является историей мышления.

Данный вывод, сделанный П. Хаттоном, представляет излишне категоричным. Более того, исследователь противоречит сам себе, когда в другом разделе монографии одним из последних представителей историцизма называет З. Фрейда [1, с. 180], а относительно марксизма говорит, что его «туманная мистика» вместе с позитивистскими методами французской историографии вошла в докторские программы по философии конца 1960-х гг. [1, с. 7].

Вместе с тем нельзя не согласиться с П. Хаттоном в том, что в современной науке понятие историцизма подверглось существенной трансформации. Сегодня большинство исследователей отрицают, что развитие цивилизации, как и развитие индивидуальной психики, обладают единым и непрерывным смыслом. Акцент в изучении ставится на разрывах между историческими эпохами, между ментальностями различных социальных групп, живших отдельно друг от друга в одно и тоже историческое время. Такие прикладные исследования способствуют развитию герменевтики – искусства истолкования текстов, а также междисциплинарных направлений, в частности истории коллективной памяти.

П. Хаттон особо выделяет творчество Х.-Г. Гадамера, М. Хальбвакса, Ф. Ариеса и других представителей французской школы «Анналов», Ф. Йейтс, М. Маклюэна, Дж. Онга. Анализируя их труды, П. Хаттон «...рассмотрел восемь тропинок между памятью и историей: мнемоническую (Френсис Йейтс), риторическую (Джамбатиста Вико), автобиографическую (Уильям Вордсворт), психологическую (Зигмунд Фрейд), социологическую (Морис Хальбвакс), историческую (Филипп Ариес), археологическую (Мишель Фуко) и историографическую (Французская революция)...» [1, с. 369-370].

В целом предложенный П. Хаттоном маршрут исследования проблемы исторической памяти впечатляет масштабностью поставленных задач. Однако знакомство с монографией автора «История как искусство памяти» приводит к пониманию того, что творческая работа научного сообщества над данной проблемой только начинается. Сочинение П. Хаттона отличаются фрагментарностью и калейдоскопичностью освещения темы, избирательностью анализа тенденций развития современной исторической науки.

Дальнейшие исследования в этом направлении видятся в русле анализа исторической памяти как одного из оснований научных парадигм, складывавшихся в исторической науке с момента ее возникновения. Понятие «научная парадигма» стало активно использоваться учеными в конце XX столетия благодаря трудам Т. Куна [2], В.С. Степина и его школы [3]. Однако применительно к исторической науке данное понятие остается сегодня практически не разработанным. Между тем его анализ позволит системно взглянуть на историю исторической науки, проследить ее развитие в широком междисциплинарном и культурном контексте, обозначить горизонты, к которым историческая наука еще должна стремиться.

Литература

1. Хаттон П. История как искусство памяти – СПб., 2003.
2. Кун Т. Структура научных революций – М., 1975.
3. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3-19.